

Ирина Кирьянова, собственный корреспондент по Краснодарскому краю: «Хочется рассказать о людях со светом в душе. Пусть о наивных, кого Максим Горький назвал: «Ваня с праздником». К сожалению, все время приходится отапливаться Гамлетовское: «За будущее чувствую я стыд» заставляет сбиваться на карикатуры. Увы, актуальнейший жанр для соборов, представляющих «Комсомолку» на местах».

Девушка моей мечты

Ее улыбка покорила всех от Кремля до самых до окраин

Спустя год после смерти Сталина в Краснодаре появилось удивительное существо: лучезарная блондинка с прелестной фигурой, яркой улыбкой и грустными-грустными серыми глазами... Ее привез с московской «ярмарки» актер-директор краевого театра оперетты Андроник Исагульян. У нее оказалось чудесное лирико-драматическое сопрано, проникновенная игра и прекрасные манеры...

Манеры!.. Вот что поразило воображение кубанской публики в первую очередь. К тому же блондинка была одиноким и безупречно молчалива, когда дело касалось ее прошлого. Посему «догадаться»: аристократка!

Дальше, конечно, начались бесконечные пересказы глав увлекательного романа со множеством героев и единственной героиней. Роман создавался молвой сразу в двух версиях: почитателей и завистников. Но в любом случае она обязательно сводила с ума самых заметных граждан города...

В первую же краснодарскую весну дебютантка спела «Марицу» и с тех пор 18 лет безраздельно и единолично царил в этой роли на кубанской сцене. И все премьеры отдавались ей. Она была Сильвой, Фраскитой, принцессой цирка, Ганной Главари... Даже Татьяной Лариной в концертном исполнении «Онегина».

И все эти годы преданными поклонниками зритель оперетты последовательно становились все первые (как, впрочем, и вторые, и десятые) секретари крайкома партии. Каждый находил свое место в саге, выписываемой ревнивой молвой. Да и было от чего распахнуться воображению: какие «киты» правили в те годы Кубанью! Одни — ненадолго из Кремля, другие — на пути к Кремлю. Они и в Москве не забывали краснодарскую оперетту в ее ликующем расцвете. Не забывали и обаятельную блондинку с чарующим голосом, прекрасной улыбкой и грустным взглядом. Евгению Белоусову.

Свою признательность здесь выражали в духе времени. Хотя порой не по тому духу — смело. В 1961 году в коллекции Абрау Дюрсо появился новый сорт марочного вина. Забавно: государственные люди ломали свои очарованные головы над его оформлением! Придумали было: «Улыбка блондинки». Позадалось, слишком по-напмановски. Пусть будет просто «Улыбка», а блондинку можно нарисовать на этикетке. Но и это в пури-танском обществе оказалось проблемой — пока не додумались заказать этикетку за границей. С той поры густую золотистую «Улыбку» разливали на Кубани, а портрет слегка стилизованной под немецкий стандарт Евгении штамповали в Лейпциге.

Но пока одни — из яви, любви и фантазии — сплетали красивую легенду, другие строчили анонимки — в крайком и в Кремль.

Получатели рвали и выбрасывали. А вскоре была выделена крупная сумма на строительство в Краснодаре нового театра оперетты.

...Прошли годы. Героиня Белоусовой уступила сцену иному Марицам. Но в воображении горожан замены ей нет. Она и сегодня остается одной из самых влекущих, самых неразгаданных тайн.

А между тем в 1989 году было снято заклятье, почти 40 лет смыкавшее ей уста. Подобно андерсеновской Элизе, теперь она могла бы заговорить. Но все настолько привыкли рассказывать и слу-

шать о ней сказки, что уже ни о чем не спрашивали.

Женя родилась в Псковщине, в бедной-бедной семье — во всех ветвях и коленах крестьянской и русской, талантливой и красивой.

Когда Жене было три года, родители уехали в Ленинград. Неграмотная мама была домработницей, полуграмотный отец — рабочим на заводе.

Все начиналось чудесно. Поступила в балетную студию, потом в хор районного Дома культуры. Ее заметили, направили в ансамбль Дворца пионеров, которым руководил сам Дунаевский. Хотя он лишь иногда наезжал из Москвы. Занимался с детьми Григорий Безрук. Но Женю Дунаевский прослушивал и считал очень талантливой девочкой. Ее голос уже звучал по радио: «Белеет па-а-арус одинокий...». И на пластинке — она запевала третий куплет песни «Эх, хорошо в стране советской жить».

В 1941 году в числе семи самых одаренных ленинградских детей ее отобрали для участия в московской олимпиаде детского творчества. Но праздник не состоялся. 17 июня Женя, как всегда, поехала к бабушке на каникулы — в деревню Ясную под Порховом. А через 10 дней здесь уже были немцы.

Год прошел в тяжких крестьянских трудах. По весне немцы принялись собирать по деревням молодежь для отправки в Германию. Женя укрывалась в болотах. Потом подалась к партизанам. Три месяца в отряде, а там командир Струнников придумал ей подходящее задание. На Псковщине застряло немало превосходных артистов, особенно ленинградских. Чтобы жить, они объединялись в концертные бригады.

Клуб находился в одном здании с СД. Концерты давали для своих, но частенько туда заглядывали и полицейские, в основном это были латыши. «Пой, ласточка, пой...» — выводила Женя, и ярче всех разгорались глаза у командира полицейского взвода Саши Башко. Это был красивый 23-летний парень, отпрыск богатого латышского семейства, равно ненавидевший и немцев, и Советы. Но все исчезало, когда шла Женя.

А фронт подходил все ближе. Начался 1944 год. Оккупационные власти свирепели.

Пошли аресты. В феврале взяли и Женю. Разбираться было некогда. После чисто символического допроса приговорили к расстрелу. Связали руки, сунули в числе прочих в «душегубку» и повезли. Вдруг раздались выстрелы, машина встала. Это командир полицейских Саша Башко прострелил в «душегубке» шины, распахнул дверцу, дернул из мрака Женю и, дотаскив до своего кабинета, запер. Озверевшие полицейские начали стрелять в дверь. Так продолжалось два дня. Саша пошел по начальству. Бил на то, что, черт возьми, у всех офицеров любовницы, а у него нет. Так и выпросил Женю у смерти.

Фронт тем временем подошел к самому Порхову. Оккупанты выехали в Резекне. И, как трофей, увезли с собой Женю Белоусову.

Саша опять разыскал и отстоял... Медовый месяц прошел в концлагере. Ее определили на кухню. Но все равно она оставалась пленницей. Наконец, Саша кого-то уговорил. И увез Женю в имение своих родителей под Ригой. Те, разумеется, пришли в ужас, когда в качестве невестки им была представлена русская партизанка. Но и Женя вовсе не была в восторге. По-настоящему ей нравились тогда только советские люди. Как только молодой муж снова уехал на войну, она сбежала. И стала пробиваться к своим.

И в очередной раз оказалась в тюрьме. Теперь уже в советской. Рассказала свою историю — не поверили. Ни единому слову. В Шяуляе за тюрьмой находилось кладбище и прямо под окном камеры — могила с белым ангелом на памятнике. Она все смотрела на этого ангела: спаси меня, спаси! Спустя месяц отпустили: пой где-нибудь поблизости, только в Ленинград нельзя.

Поступила в Вильнюсскую филармонию. Обслуживали армию Жукова. Как они слушали, солдаты, уходящие в бой!.. «Победи поскорей, приходи поскорей...» Она бросала в публику цветы, его ловили, и счастливчик увозил с собой талисман.

1 сентября, наконец, вернулась в Ленинград. К маме, которой успели сообщить, что Женя расстреляна в Порхове и похоронена в братской могиле. А их комнату в коммуналке к тому времени заняла

некая Зиночка, служащая Академии имени Фрунзе. Освобождала жилплощадь ей очень не хотелось. Пошла и сигнализировала: как так, все была мертвая, и вдруг — живая. Женю арестовали.

Три месяца тянулось безобразное, издевательское следствие. Рассказывала все, как на духу. Не верили. Если на тебе полицейский женился — почему ты его не зарезала?.. Почему она не зарезала рыцаря Сашу? Почему?.. Да вот — не зарезала, и все тут.

Еще при обыске обнаружили у нее кусочек пленки с кадрами из «Девушки моей мечты» — в оккупации эти фильмы крутили вовсю. «Так ты еще у немцев в кино снималась!» — негодовал следователь. «Это же Марица Рёкк, — объясняла она, — европейская знаменитость...» Сашу разыскать не смогли — он был мобилизован в Красную Армию, и следы его тогда затерялись. «Тройка» пригласила ей 15 лет каторги. К счастью, приговор не утвердила Москва: сняли 5 лет и каторгу.

А Сашу арестовали в 1947-м. Ему дали 25 лет каторги, но он умер почти сразу, где-то под Норильском. Только в 1989 году, когда ее реабилитировали, Евгения Белоусова увидела его показания. Сквозь все — лейтмотивом — «Женя ни в чем не виновата!..»

Поначалу Евгении повезло, попала в ансамбль заключенных, который обслуживал лагерь под Ленинградом. Энкаведэшник генерал Деревянко считался покровителем искusstв. В ансамбле собрался настоящее созвездие. Но «полицейской» была только Женя, остальные — «бытовики». В ансамбле встретилась с Сергеем Прудинским, концертмейстером Мариинского театра. Он приобщил к классике. Под его руководством стала петь арии из опер — «Орлеанская дева», «Чародейка», Лизу из «Пиковой дамы». Сделали монтаж оперетты «Вольный ветер», она играла Стеллу. Это была ее консерватория. На одном из концертов Женю увидел популярный артист Николай Черкасов. Был восхищен. Рассказывали, писал в Верховный Совет, пытался «вытащить»... Отказали.

Лагерь есть лагерь... И в карты ее проигрывали. И некий весьма знаменитый в своих кругах бандит ее спасал. Всякое было.

Но было и другое. Был знаменитый Воркутинский театр, воровавший в те годы такие силы, каких не было, может быть, и в столичных театрах. Знаменитый баритон Борис Дейнека, голос которого каждое утро будил страну: «Широка страна моя родная; пианистка Тамара Юнгфер; звезда мюзик-холла Валентина Токарская, утонченная аристократка и умница... Чего только Женя с Дейнекой не перепели! Благо, диапазон был неограничен, а в театре не доставало меццо-сопрано. В 22 года спела Ольгу в «Онегине», княгиню в «Русалке», Любашу в «Царской невесте», Керубино в «Свадьбе Фигаро», царевича Федора в «Борисе Годунове»... Уже готовили «Кармен»...

В 1950-м ей исполнилось 25. Среди лагерных реликвий — подаренный в тот день Дейнекой толстый том красивых переписанных от руки нот с текстами — весь ее репертуар. Прелестная открытка, нарисованная известным художником Петром Бенделем: изящная блондинка, затянута в длинное черное платье, у рояля, а из зала тянутся с букетами руки обезумевшей публики. И надпись: «Симпатичную талантливую Жеку с днем рождения!» Тут же

блокнот с изысканнейшими стихами, какие в те годы нельзя было прочесть и в больших библиотеках. Зато рядом на нарах спала студентка МГУ — они там в университете организовали блокнотско-ахматовский клуб. Все клубом и угодили в лагерь.

А публика согревала ее своей безграничной любовью. Среди реликвий — и тетрадный листок из 1949 года. Не знакомый зритель прислал на концерте записку. Стихи.

...Ты поешь, и срьд тундры суровой

Возникают сады и цветы.

В зал сосновый шахтерской столовой

Звездным семенем бросила ты...

Ты мне с каждой песней дорожке —

Покачнулась столетняя ложь.

По уклониам тундровой кожи

Пробегают пятнистая дрожь...

Так и выжила. 27 января 1954 года в последний раз постоила среди лагерного двора в бесформенной зековской робе.

В Ленинграде жить было запрещено. Худрук Ленинградской филармонии почувствовал, дал денег на билет до Москвы. Там, на актерской ярмарке, высмотрел ее краснодарский армянин Исагульян. Отвел в сторону: «Деточка, ты так настрадалась, а у нас помидоры 3 копейки килограмм... А море ты видела? Так у нас и море есть!..» И тоже дал денег на дорогу. И сразу — высшую ставку. И несколько симпатичных современных ролей. А в мае на гастролях в Сочи заболела ведущая актриса, и Евгения Белоусова, выучив роль за две ночи, в шелках и бусах с чужих плеч вышла на сцену в первой своей «венской» роли — роли графини Марицы. И это была такая Марица!.. Другая уже рядом просто не могла встать. А после одного из ее триумфальных сочинских спектаклей, когда артисты вышли из театра, к Евгении подошел молодой человек и сказал: «Здравствуйте, Марица». Он и стал ее мужем на всю оставшуюся жизнь.

Через год ее впустили в Ленинград. Там, в театре музыки, она спела «Сильву» и «Холодку». Пригласили остаться. «Зачем едешь? — горестно воскликнул Исагульян. — Там холодно, голодно, я же тебе как отец родной говорю...» Осталась. Квартиру дали быстро. Звание — в 1960 году. В 1961-м опять поехала в Ленинград, спела там «Марицу». Теперь уже и в Ленинграде предложили ключи от квартиры. А в Краснодаре вызвали в крайком.

Она опять осталась. И царяла. И вызывала жгучую зависть. Лишь после реабилитации она стала постепенно осваиваться от чувства неполноценности.

...Каждое утро она возносит небесам молитву: «За мамочку и за Сашу». Одну молитву за двоих людей, подаривших ей жизнь... Потом идет кормить 25 здоровых кошек. Потом — в театр. Объясняет молоденьким Сильвам, что в дуте «Помнишь ли ты...» надо любить Эдвина, а не собственные рулады.

Улыбка ее не утратила обаяния. Голос — способности волновать и нравиться. А память хранит невероятные сюжеты.

Жаль, никто до сих пор не воспользовался. Многие, многое не сказало в этой жизни — жизни кубанской Марики Рёкк. Природа одарила ее всем, чтобы стать звездой... не будем загадывать какого масштаба. Думаю — общечеловеческого. Ведь люди везде одинаковы.